

Г. М. Бонгард-Левин

КАЛИНГСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИИ ПРАВЛЕНИЯ АШОКИ

Период правления Маурьев — знаменательная эпоха древнеиндийской истории. Впервые в истории Индии было создано огромное государство, охватывающее большую часть Индостанского полуострова и прилегающие к нему области. Это было время расцвета древнеиндийского рабовладения, подъема культуры, литературы и письменности. При Ашоке — одном из самых замечательных государственных деятелей древней Индии — получил широкое распространение буддизм. О силе новой империи знали далеко за пределами самой Индии: Дипломатические отношения были установлены с Египтом, Селевкидским государством, Эпиром, Киреной, Цейлоном и др.

В распоряжении исследователя маурийской эпохи имеется ценнейший эпиграфический документ древней Индии — эдикты императора Ашоки. Надписи содержат материал по политической истории, социальной структуре, государственному устройству, религии и культуре древнеиндийского общества.

Однако по многим вопросам наши сведения остаются до сих пор отрывочными и односторонними. Значительные трудности представляет часто и интерпретация самих надписей Ашоки. В связи с этим ряд вопросов остается еще неясным, а некоторые получили неправильное освещение. Так обстоит, в частности, дело с оценкой роли Калингской войны в истории правления Ашоки.

В литературе утвердилось мнение, что именно ужасы Калингской войны привели Ашоку к буддизму, сделали его «мечтателем», царем-монахом, который отказался от традиционной внешней политики Маурьев — создания объединенного индийского государства.

Так, Бимала Лоу отмечает, что «завоевание Калинги сильно подействовало на Ашоку, пробудив в нем чувство глубокой печали». «Примерно в это же время император подпадает под влияние буддизма»¹. «После войны с Калингой и ее покорения, — пишет Шрикантая, — Ашока вернулся больным, утомленным и усталым». По его мнению, Ашока был монархом, который имел смелость обезоружить свои войска и править только моральной силой². «Ашока, — пишет Дж. Макфейл, — после войны с Калингой уже не делал попыток к расширению своей территории»³. Той

¹ Bimala Churn Law, *The Magadhas in Ancient India* («Royal Asiatic society monographs», т. XXIV), L., 1946, стр. 16—17.

² S. Srikanthaya, *Asoka, Devanampriya*, «Culture and heritage», Number of the «Quarterly journal of the Muthic society», Bangalore, 1956, стр. 3—9.

³ J. Macphail, *Asoka*, Calcutta, б. г., стр. 41.

же точки зрения придерживаются и авторы Кембриджской истории Индии (I, стр. 495). Индийский ученый Х. Райчхаудхури считает, что завоевание Калинги открыло новую эру — эру мира, социального прогресса и религиозной пропаганды. По его мнению, «Индия нуждалась в человеке типа Пора и Чандрагупты, чтобы обеспечить себе защиту от греческой опасности. Но она получила мечтателя»⁴. Маджумдар, Райчхаудхури и Калинкар Датта⁵ также отмечают, что Калингская война разбудила в груди Ашоки неподдельные чувства раскаяния и печали. Она привела к важным изменениям в области внешней политики.

Перечень подобных точек зрения можно было бы значительно расширить. Правда, все они очень близки друг к другу и в основном сводятся к следующему: 1) результаты Калингской войны привели Ашоку к буддизму; 2) после войны Ашока стал мечтателем, отказавшимся от традиционной маурийской внешней политики создания объединенного индийского государства.

Такая ставшая уже традиционной трактовка роли Калингской войны в истории правления Ашоки основывается главным образом на следующих местах XIII наскального эдикта: «Теперь, после того как завоевана Калинга, у „милого богам“ есть строгая (забота) об охране дхармы, любовь к (нормам) дхармы, решение к (поучению) дхарме». «Вот у „милого богам“ есть угрызение совести после завоевания Калинги». «Теперь же „милый богам“ считает тяжелым смерть или уведение [в плен] даже одной сотой или одной тысячной части того количества людей, которые в Калинге были убиты, умерли или были уведены».

Однако анализ XIII эдикта и других надписей Ашоки (главным образом калингских эдиктов⁶) заставляет усомниться в правильности традиционной точки зрения на роль Калингской войны.

О своем раскаянии Ашока говорит в XIII большом наскальном эдикте, который был составлен в 12 или 13 году правления (с момента коронации), т. е. через несколько лет после войны с Калингой⁷. Таким образом, между войной с Калингой и повествованием о раскаянии имеется значительный разрыв.

Интересный материал дают малые наскальные эдикты — древнейшие из надписей Ашоки⁸.

⁴ Hemachandra Raichaudhuri, *Political history of Ancient India*, Calcutta, 1953, стр. 307.

⁵ «Advanced history of India», т. I, Calcutta, 1955, стр. 107.

⁶ Калингскими эдиктами принято называть надписи Ашоки, дошедшие до нас в двух версиях наскальных надписей в Дхаули и Джаугаде. Надписи в Дхаули были открыты Kittoe в 1837 и впервые изданы в 1838 г. (J. Prinsep, *JASB*, VII, 1838) и затем переизданы: Н. Кегн, *JRAS*, N. S., XII (1880); G. Bühler, *ZDMG*, 41 (1887). Эдикты из Джаугады были скопированы Вальтером Эллиотом в 1850 г. и изданы Каннингамом в 1877 г. (СII). Джеймс Принсеп первый установил, что большая часть эдикта в Дхаули идентична с надписями в Джаугаде и что в Дхаули отсутствуют эдикты XI, XII, XIII, замененные иными надписями. В 1952 г. индийские археологи при раскопках храма в Бхуванесваре обнаружили остатки колонны Ашоки с надписью на брахми. Это первый колонный эдикт Ашоки, найденный в самой Калинге. К сожалению, в связи с тем, что колонна в V—VI вв. н. э. была переделана в лингу, надпись сильно пострадала (см. К. С. Panigrahi, *Hindu God out of Asokan pillar*, «Bombay chronicle», XI (1952), № 27, 6; он же, *Discovery of Asoka pillar of Bhubaneswar*, «Eastern world», т. 7 (L., 1953), № 11.

⁷ В XIII эдикте император говорит: «По прошествии восьми лет (после коронации) дарем Пиядасы, „милым богам“, завоевана Калинга (Athavaṣābhisitasā sā devanam piyasa Piyadasine lajine Kaligya vijita — версия Кальси).

⁸ О времени составления малых наскальных эдиктов см. E. Hultzsch, СII, I, стр. XLIV; N. P. Chakravarti, *The Minor rock-edicts of Aśoka and some connected problems*, AI, № 4 (1947), стр. 14—25.

В первом малом наскальном эдикте из Брахмагири император заявляет: *adhikāni adhātīyāni vasāni ya hakam [upāsake] (no) tu kho bādham pakamte husam ekam savacharam sātireke tu kho samvacharam yam mayā samghe upayīte bādham sa me pakamte* «Вот свыше двух с половиной лет как я *упасака*⁹, но не очень старался (подвизался на поприще буддизма). Уже больше года как посетил¹⁰ *сангху* и очень стараюсь».

Так как это свидетельство самого Ашоки датируется, по-видимому, 10 годом после коронации¹¹, то из него вытекает, что последователем буддизма («упасакой») Ашока стал на 8 году царствования. Более поздний источник — цейлонские хроники утверждают, что Ашока принял буддизм через семь лет после захвата власти¹². Между тем, как было отмечено выше, завоевание Калинги, по свидетельству самого царя в XIII эдикте, было предпринято по истечении восьми лет с момента коронации. Все это дает возможность предполагать, что Ашока стал последователем буддизма еще до войны с Калингой. Калингская война началась, видимо, уже после того, как Ашока стал «упасакой» (на восьмом году своего царствования), но еще в тот период, когда он «не очень старался» и не посетил еще *сангху*, т. е. признал буддизм, но не стал еще его активным распространителем. Этот вывод находит подтверждение и в тексте XIII наскального эдикта, где нет никаких данных о резком переломе в мировоззрении Ашоки после Калинградской войны: Ашока вовсе не говорит здесь о принятии новой религии, а лишь указывает на необходимость развития уже известных ему основных положений дхармы, которые были изложены в малых наскальных эдиктах.

Наконец, надо отметить, что и более поздняя традиция вовсе не связывала принятие Ашокой буддизма с Калинградской войной: этого нет ни в цейлонских хрониках, ни в «Дивьявадане»¹³, ни у Сюан-Цзяна, ни у Таранты¹⁴.

Таким образом, нет оснований считать, что именно раскаяние привело Ашоку к принятию буддизма. Подчеркивание же Ашокой этого мотива в своих официальных документах — больших наскальных эдиктах — было вызвано, очевидно, стремлением усилить их идеологический эффект и объяснить переход к новой религии.

Необоснованно и другое традиционное представление, что после Калинградской войны Ашока отказался от традиционной политики Маурьев — политики создания объединенного индийского государства.

⁹ *upāsaka* — светский буддист, — мирянин — последователь буддизма.

¹⁰ Здесь я следую Хульгшу.

¹¹ Во время печатания данной статьи мы смогли ознакомиться с новой работой Эгермонта, посвященной хронологии правления Ашоки (см. P. H. L. Eggermont, *The Chronology of the Reign of Asoka Moriya*, Leiden, 1956). По мнению Эгермонта, малые наскальные эдикты должны были быть выбиты на 10 году царствования или ранее (между концом седьмого и концом десятого года царствования — стр. 68 и 72). В указанной работе выдвигаются некоторые положения, сходные с теми, которые развиваются в настоящей статье (датировка ряда событий).

¹² Согласно «Дипавамсе» (VI, 18), Ашока привлек буддизм через три года после коронации, которая, по данным хроник, имела место лишь через четыре года после захвата власти. «Дипавамсе» рассказывает также о племяннике Ашоки по имени Нигродха, который родился в день убийства Ашокой его отца Суманы и захвата Ашокой магадского престола. Когда Нигродхе исполнилось семь лет, он был обращен в буддизм и, направившись в столицу, сделал буддистом и императора Ашоку.

¹³ Согласно «Дивьявадане» (ed. E. V. S. o w e l l a. B. A. N e i l., Cambridge, 1886), Ашока стал буддистом под влиянием монаха из Шравасты, который спас людей, заключенных при Ашоке в столичную тюрьму.

¹⁴ По свидетельству последнего, некий Яшодваджа очистил Ашоку от грехов, и император стал весьма благочестивым. Тараната — тибетский историк XVII в. Ценность сведений Таранты состоит в том, что он пользовался индийскими сочинениями о буддизме, которые до нас не дошли. См. «История буддизма в Индии, сочинение Даранатъ», перевод с тибетского В. В а с и л ь е в а, СПб., 1869.

Завоевание Калинги имело большое значение для укрепления единства империи. С юга она граничила с Андхрой, входившей, согласно XIII наскальному эдикту, в империю Ашоки. Ее северный сосед — Бенгал тоже был составной частью империи. Существование сильного и независимого государства Калинги мешало воссоединению восточных и южных областей империи в единое государственное образование.

Ашоке пришлось вести тяжелую кровопролитную войну, хотя маурейская армия во много раз превосходила армию калингского правителя¹⁵. Тринадцатый наскальный эдикт сообщает, что «150 тысяч человек оттуда уведено, 100 000 там убито и больше этого умерло»¹⁶. Ведь «когда завоевывается незавоеванное, то там происходит убийство, смерть и угон людей»¹⁷. Эдикты свидетельствуют, что суровые меры наказания, убийства, пытки, надругательства применялись не только к простому народу Калинги, но и к брахманам и шраманам. Такими мерами Ашока хотел заставить Калингу забыть о своей самостоятельности и сделать ее частью своей огромной империи.

После войны Калинга была преобразована в новую провинцию с центром в Тосали¹⁸. Упоминание во II калингском эдикте о царевиче (*kumāra*) в Тосали может свидетельствовать о том, что Калинга имела особое политическое значение. Известно, что царевичи посылались лишь в наиболее крупные и важные провинции с центрами в Таксиле (северо-западная Индия), в Удджайне (зап. Индия), Суварнагири (на юге). Калинга, по-видимому, была разделена на ряд округов, управляемых областными махатрамами. Об этом свидетельствует сообщение II Калингского эдикта из Джаугады о махатрамах и городских чиновниках города Саманы¹⁹. Но вместе с тем Ашока пристально следил за делами в Калинге, сам инспектируя местных чиновников. Император обращается

¹⁵ Согласно П л и н и ю (NH, VI, 22), армия калингского правителя насчитывала 60 тыс. пеших солдат, тысячу всадников и 700 боевых слонов. Армия Ашоки, видимо, была не меньше армии его деда Чандрагупты, состоявшей из 600 тыс. человек пехоты, 30 тыс. всадников и 9 тысяч боевых слонов (см. P. C. Chakravarti, *The art of war in Ancient India*, Dacca, 1941).

¹⁶ *Diyadhama(ate) paṇaśatasahase yetaphā apavudhe śataśaḥsamāte tata hate bahutāvaptake va mā.e.* Ряд исследователей защищал положение, что завоевание Калинги было не захватом независимого государства, а присоединением временно освободившейся в результате восстания провинции империи (см., например, V. R. Ramachandra Dikshitar, *The Thirteenth Rock Edict of Aśoka*, «Woolner Commemoration Volume», Lahore, 1940, стр. 68—76).

¹⁷ Большой наскальный эдикт № 13 из Кальси (см. издание A. Woolner, *Asoka text and glossary*, Calcutta, 1924, т. I, стр. 25. В дальнейшем текст эдиктов также приводится по этому изданию, которое цитируется как WAT).

¹⁸ Возможно, что Тосали это Партхали, о котором П л и н и й (VI, 22) говорит как о царском городе племен калингаев. Принцесс (JASB, VII, стр. 449) считал, что город можно идентифицировать с *Τωσαλει μητροπολις* Птолемея. Интересно, что иногда в брахманской литературе говорится о Тосала (Тосали) как о городе Южной Косалы. Ряд источников (например, две надписи на медных пластинках из Ориссы) свидетельствует о том, что существовали два округа — Южный Тосали и Северный Тосали (см. EI, IX, стр. 286; XV, стр. 1). В 1948 г. индийские археологи произвели раскопки в Шишупальгархе около Бхуванесвара (Орисса). Город может быть идентифицирован или с Тосали, или, что еще более вероятно, с Калинганагарой периода Кхаравелы. Самый ранний период в истории города относится ко времени господства Маурьев в Калинге, но раскопки не вскрыли никаких укреплений, относящихся к этому времени (см. B. V. Lal, *Śiupalgarh*, 1948. *An early historical fort in Eastern India*, AI, № 5 (1949); B. C. Chattacharya, *Kalinganagara and excavation at its present site*, JBORS, XV, 1929, стр. 623—634).

¹⁹ В эдикте говорится: «„Милый богам“ сказал так: В Самане махатрамы — судебные городские чиновники должны быть проинструктированы следующим образом». О Самане см. G. Ramadas, *Samara or the Asokan Kalinga*, IA, т. 52, 1923, стр. 66—87; D. R. Bhandarkar, *Asoka*, Calcutta, 1955, стр. 48.

к махаматрам через «голову» Калингского принца, давая им специальные указания.

Изучение специальных эдиктов из Дхаули и Джаугады показывает, что царевичи Таксилы и Удджайна обладали большей самостоятельностью, чем Калингский царевич. Если первые могли сами посылать чиновника в инспекторскую поездку по области, то чиновник из центра Калинги — Тосали — совершал *anusamyāna* «объезд» по личному приказу Ашоки. Бхандаркар²⁰ справедливо подчеркивает и тот факт, что если царевичи Таксилы и Удджайна указаны сами по себе независимо от местных чиновников, то, обращаясь к калингским властям, Ашока называет совместно царевича и махаматров²¹.

Этот особый административный статус Калинги, несомненно, указывает не только на важное значение, которое имела Калинга, но и на те трудности, которые возникли при включении Калинги в состав империи.

Эти трудности, очевидно, до некоторой степени имели место и в отношении других присоединенных областей. Поэтому нам представляется вполне естественным, что после покорения Калинги Ашока обращает особое внимание на идеологические средства укрепления единства своего обширного государства. Буддизм вполне отвечал этой задаче, поскольку новая религия обращалась ко всему населению империи, игнорируя прежние племенные и религиозные разграничения и даже различия в социальном положении. Применительно к Калинге эта политическая линия Ашоки выражена достаточно ярко в его специальных эдиктах. Основой идеологического единства населения империи были общие нормы поведения — «дхарма». Опираясь на эти нормы, Ашока изыскивал новые методы управления империей, пытаясь привлечь на свою сторону более широкие слои населения. Так, во II Калингском эдикте Ашока заявляет: «Все люди мои дети». Он провозглашает добродетелью любовь к людям и прощение наказаний. Ашока порицает своих чиновников в Калинге, которые не выполняют возложенных на них обязанностей²². «Поэтому, — говорится в I калингском эдикте, — лишь одиночные люди так думают (что Ашока людям желает счастья и благополучия), но не вся страна»²³.

Видимо, случаи злоупотреблений в Калинге продолжали оставаться частым явлением. «Случается, — говорится в эдикте, — что отдельные

²⁰ С Бхандаркаром не согласился В. М. Баруа, *Asoka and his inscriptions*, Calcutta, 1955, стр. 19—191.

²¹ *Devānam piyasa vacanena Tosaliyam kumāle mahāmātā ca vataviyam* «По приказанию „милого богам“ царевич и махаматры в Тосали должны быть проинструктированы» (II особый эдикт из Дхаули). Выяснение специфики положения Калинги связано с определением точного содержания слова *vijita* в надписях Ашоки. Анализ эдиктов позволяет, как нам кажется, говорить о том, что под *vijita* следует понимать не всю империю Ашоки, а лишь ту ее часть, где император имел действительную власть и которая находилась под контролем центрального аппарата управления. Возможно, что XIII большой наскальный эдикт, говоря о подчинении Калинги, имел в виду переход Калинги из независимого государства в *виджиту* государства Ашоки (*Kaligya vijita*). Это и определило ряд особенностей ее управления по сравнению с другими важнейшими провинциями (Таксила, Удджайн), которые, являясь частями империи Ашоки, не входили в его *vijita*.

²² В эдикте говорится: «вы (чиновники) не достигаете всего того, что можно было бы сделать для достижения этого дела. По-другому понимает этот отрывок Х у л ь т ш (CII, I, 1925, стр. 95): and you don't learn how far this (my) object reaches.

²³ (K)e(cha) v[ā]jekaṇḍi(s)e [ma]nāti et(am se) pi desam n(o)savam (особый эдикт из Дхаули, WAT, т. I, стр. 23). Правда, этот отрывок ряд лингвистов переводил по-другому — V. Smith, *Asoka*, Oxf., 1901, стр. 137: «There are individuals who need only part of my teaching not the whole»; у Х у л ь т ш а (CII, I, 1925, стр. 95): «Some single person only learns this (and) even be (only) a portion (but) not the whole».

люди получают оковы и пытки. Затем вдруг случается, что наступает конец их пребыванию в кандалах. Другие же многие люди терпят лишения»²⁴.

Приведенные отрывки показывают, что положение в Калинге продолжало оставаться напряженным. Большая часть калингцев была, очевидно, настроена против новых правителей и не могла примириться с потерей своей самостоятельности.

Обращаясь к махаматрам и городским судебным чиновникам Калинги, Ашока, инструктируя их, указывает: «ведь вы назначены над многими тысячами людей, чтобы мы получили уважение и признание среди хороших людей»²⁵.

Для борьбы с самовольными действиями местных чиновников и для укрепления центральной власти Ашока через каждые пять лет высылал махаматров в объезд для осмотра страны и проверки действий местных чиновников. Так, в I специальном Калингском эдикте он указывает: «...через каждые пять лет я буду высылать в круговую поездку или для осмотра²⁶ того махаматра, который не жесток и не свиреп и действия которого мягки». «Ведь когда те махаматры выедут на объезд, то тогда (чиновники) не будут забывать своих обязанностей. Они (махаматры) делают это (объезд) так, как предписано царем»²⁷.

Махаматры, говорится в эдиктах, должны указывать друг другу на недостатки, поучать друг друга и постоянно напоминать о приказах императора. Для того чтобы чиновники не забывали о своих обязанностях и не нарушали указов, Ашока приказывает читать махаматрам его эдикты в дни, посвященные созвездию Тишья, а в особых случаях, когда кто-либо из чиновников выполняет указы без особого усердия, то и в промежутки между ними. С помощью всех этих мер Ашока хотел укрепить свое положение в завоеванной области.

Следует отметить, что в тех специальных эдиктах, которые посвящены Калинге (особые эдикты из Дхаули и Джаугады), не говорится о войне с ней, не рассказывается о победе Ашоки; надписи составлены в виде инструкции царевичу, махаматрам и городским судебным чиновникам по управлению провинцией. XIII наскальный эдикт, в котором, как известно, рассказывается о кровопролитной войне против Калинги, так же как XI и XII эдикты, был заменен особыми эдиктами (см. выше). Это, конечно, вызывалось не стыдом, как думает Бхандаркар (ук. соч., стр. 22), а

²⁴ *Iyam ekaṇṭhīṣe pi[athī]ye vā bāndhanam vā (pa)likīlesam vā pāpu(n)āti Tata hot(i) a(kasā) t(e)na ba(m)dhan(am)tik[ā] apne sa.. bahujane da(v)īye dukhīyati* (WAT, стр. 24). Здесь я следую Х у л ь т ш у (ук. соч., стр. 96), который переводил «to continue to suffer». По-другому понимает это место М. N. Bose, *The Kalinga Edict*, JHO, III (1927), стр. 73—88 и 336—356. Он считает, что *bāndhanam* и *palikīlesam* употребляются не в смысле телесного наказания, а как духовные мучения, возникающие в результате греховных поступков, однако это не соответствует общему смыслу надписи.

²⁵ *Tuphe hi ba(h)ūsu pānasahasesu ā[yatā] p(a)na[yam] (gachema) sumunisā(na)m. Sumunisānam «среди хороших людей». Так же и у В у л ь н е р а (WAT, т. II, стр. 146) и у Б ю л е р а (ZDMG, т. 41, стр. 12—13): «Mögen wir die Liebe der guten Menschen erwerben». Однако ряд исследователей предлагает выводить su из Sk. svid и переводить: «среди всех людей» (H u l t z s c h, ук. соч., стр. 95; K e r n, ук. соч., стр. 381; H. L ü d e r s, SPAW, 1914, стр. 856; B l o c h, Les Inscriptions d'Asoka, P., 1950, стр. 137. Под «хорошими людьми», возможно, подразумевается местная знать.*

²⁶ *anusamyāna*— встречается также и в III большом наскальном эдикте. По мнению К. Р. J a y a s w a l, *The terms anusamyāna, Rājukas and former Kings in Asoka's Inscriptions*, JBORS, IV (1918), стр. 36—43, оно обозначает «official transfer», «in succession on transfer».

²⁷ *Adā anusāyanam te mahāmātā nikhamisānti anusāyanam tadā ahāpayi(t)u atane kammam etam pi jānisānti tam pi tathā kalānti a(th)a lājine anusathī ti* (I специальный эдикт из Дхаули — WAT, I, стр. 25—27).

определенными политическими мотивами: нежеланием напоминать жителям Калинги об обстоятельствах ее покорения.

Таким образом, приведенные материалы противоречат положению о том, что после калингской войны Ашока стал мечтателем, отказавшимся от традиционной маурийской политики создания объединенного индийского государства.

Интересно, что даже в XIII наскальном эдикте, в котором Ашока говорит о влиянии на него войны с Калингой, он не забывает упомянуть и о своем могуществе. «Несмотря на раскаяние, у „милого богам“ (царя Приядарши) есть могущество»²⁸, — говорит он.

Анализ эдиктов показывает, что и после покорения Калинги Ашока не оставил мысли о присоединении новых территорий. Особенно интересен в этом отношении II специальный Калингский эдикт, в котором император приказывает махаматрам и судебным городским чиновникам добиваться доверия у лесных племен и соседних пограничных народов и путем распространения «дхармы» оказывать на них свое влияние. Своей задачей Ашока считал распространение «дхармы» не только в империи, но и далеко за ее пределами. Он сам в своих эдиктах разъясняет значение этого «морального завоевания»: «И люди тех стран, куда даже не прибывают послы царя Приядарши „милого богам“, услышав о моральном поведении, моральном поучении и строе (распорядке) „милого богам“, следуют и будут следовать дхарме»²⁹. Ашока приказывает махаматрам действовать энергично, чтобы получить доверие и распространить «дхарму» в пограничных странах. «Для этой цели, — провозглашает Ашока, — в ваших странах я буду иметь должностных лиц». Царь Приядарши «приобщает, наставляет на правильный путь даже лесные племена, которые есть в его империи»³⁰. Ашока стремится к тому, чтобы люди из незавоеванных стран твердо усвоили, что «как отец — так нам царь. Как он сочувствует себе, так и нам сочувствует. Как дети (ему дороги) — так и мы»³¹.

При Ашоке оставались незавоеванными только государства крайнего юга. Но и они не ускользали из поля зрения императора. Ашока говорит о необходимости распространения «дхармы» во всех странах вплоть до Цейлона. Государства крайнего юга — Чола, Пандья, Кералапутра, Сатьяпутра, согласно эдиктам, не входили в империю Ашоки, но маурийский император был с ними в таких дружеских отношениях, что мог не только свободно посылать туда своих миссионеров, но даже основывать там буддийские монастыри. Об этом свидетельствуют известия китайских путешественников. Так, Сюан-Цзан упоминает ступы в Чольском государстве и в Паллавском царстве, основание которых приписывалось Ашоке. Он же видел в государстве Пандья к югу от р. Кавери остатки старого монастыря, построенного Махендрой, и ступу, сооружение которой приписывают императору Ашоке³².

²⁸ Anutape pi ca p(r)abhavē devanam priyasa (XIII наскальный эдикт из Шахбазгархи — WAT, I, стр. 28). Правда, ряд исследователей переводил эту фразу по-другому. Так, V. S. M i t h, Asoka..., стр. 131: «as the might ever of His Majesty is based on repentance».

²⁹ Yatra pi devanam priyasa duta no vracanti te pi śru(tu) devanam priyas dhramavutam vidhanam dhramanuṣasti dhramam anuvidhiyamti annuvidhiyamti ca (XIII наскальный эдикт из Шахбазгархи — WAT, I, стр. 28—30).

³⁰ ya pi ca atavi devanam priyasa (vi)jite bhōti tapi anuneti anunij(h)apeti (XIII наскальный эдикт из Шахбазгархи — WAT, I, стр. 28).

³¹ iti atha pitā tatha devanam pi(ye) aphāka atha ca atānam hevam devānam pi(ye)[a]nu(kampati) aphe atha ca pajā (h)evam may(e) devanam priyasa (II специальный эдикт из Дхаули, WAT, I, стр. 29).

³² V. S. M i t h, Rulers of India. Asoka. The buddist emperor of India, Oxf., 1909, стр. 48.

Поздние паллавские документы говорят об одном из древнейших правителей Канчи, по имени *Asokavarma*, что может обозначать Ашоку Маурийского³³. К югу от столицы Паллавского государства находилась ступа высотой 100 футов, выстроенная Ашокой. Все эти факты, несомненно, свидетельствуют о проникновении влияния Ашоки в соседние южные государства³⁴.

Цейлонские хроники сообщают о дружеских отношениях между Ашокой и цейлонским царем Тиссой³⁵, который в знак своего уважения к императору Ашоке принял его титул «милый богам» (*Devanampriya*). Согласно буддийским хроникам, Ашока послал на Цейлон для пропаганды буддизма своего сына Махендру³⁶. Махендра остался жить на острове, посвятив себя организации буддийской церкви на Цейлоне.

Царь Тисса также послал своих представителей ко двору Ашоки. Глава миссии Аритха, обращаясь к императору Ашоке, уверял в дружеских чувствах к нему цейлонского царя³⁷.

Ашока продолжал традиционную политику своих предшественников и в установлении дипломатических отношений с соседними государствами. В XIII наскальном эдикте упоминаются страны, не входившие в империю Ашоки, но состоявшие с ней в дипломатических отношениях, «где (царствуют) царь греков, по имени Антиох, и дальше того Антиоха, где (царствуют) четыре царя по имени Птолемей, по имени Антигон, по имени Маг и по имени Александр...»³⁸. При Ашоке большое количество миссионеров было послано в различные страны. Согласно «Махавамсе», миссионеры были отправлены в Суварнабхуми (Южная Бирма)³⁹, Гималаи, Кашмир, Непал, а также и на запад, в эллинистические государства⁴⁰.

Итак, мы видим, что Ашока не отказывается от маурийской внешней политики — политики создания объединенного государства. Правда, Ашока, проводя свою внешнюю политику, применял и новые методы. Устанавливая тесные дипломатические отношения с государствами, распространяя «дхарму», приобщая отдельные племена к своей империи, посылая большое количество миссионеров в разные страны, основывая в пограничных областях буддийские монастыри, строя ступы, часто направляя при этом туда своих чиновников, и т. д., Ашока тем самым распространял свое влияние на эти страны и области, подготавливая почву для прочного укрепления в них своей власти.

³³ «Age of the Nandas and Mauryas», ed. by K. A. Nilakanta Sastri, Varanasi, 1952, стр. 249.

³⁴ Вопрос о проникновении маурийского влияния в южные области Индии по данным тамильских источников заслуживает специального рассмотрения (см., например, «Age of the Nandas and Mauryas», стр. 253—255).

³⁵ J. Sen, Asoka's mission to Ceylon and some connected problems, *INQ*, IV (1928), № 4, стр. 667—677, анализируя данные цейлонских хроник, надписи Ашоки и сведения античных авторов, приходит к выводу о реальности экспедиций на Цейлон, которые, по его мнению, были осуществлены между 16 и 18 гг. правления Ашоки.

³⁶ V. Smith, The early history of India, *Oxf.*, 1924, стр. 195—196, считает версию цейлонских хроник о том, что Махендра был сыном Ашоки, неправильной. По его мнению, Махендра был младшим братом Ашоки. Однако авторы «Истории Индии» говорят о Махендре как о сыне Ашоки (Н. К. Синха и А. Ч. Банерджи, История Индии, М., 1954, стр. 69).

³⁷ «Dipavamsa — an ancient Buddhist historical record». Edited and translated by H. Oldenberg, Calcutta, 1879, гл. XV, шлоки 87—89.

³⁸ Птолемей II Филадельф, Антигон II Гонат, Маг — царь Кирены и Александр — царь Эпира. См. P. H. L. Eggermont, The date of Asoka's Rock Edict XIII, «Acta Orientalia», XVIII (1940), стр. 103—123.

³⁹ Правда, Smith, Early history..., стр. 197, считает, что сведения «Махавамсы» ошибочны. По его мнению, если экспедиция даже и была, то имела малые результаты. Данные источники не дают, однако, возможности решить этот вопрос.

⁴⁰ См. интересную статью H. C. Seth, Central Asiatic provinces of the Maurya empire, *INQ*, XIII (1937), № 13, стр. 400—417.

В «Артхашастре» говорится, что из двух факторов: могущества и дипломатии — дипломатия лучше. Война, как указывает Артхашастра, не является единственным методом внешней политики. Таких методов шесть: «мир, война, выжидательное положение (выжидание благоприятного времени), наступление, искание защиты и двойственная политика». Средств же политики (по Артхашастре) четыре: «мирные переговоры, подкуп, сеяние раздора и открытое нападение».

Методы, которыми пользовался Ашока, исходили из основной цели его внешней политики: создания объединенного индийского государства.

Крупный государственный деятель и тонкий дипломат, Ашока хорошо понимал необходимость применения новых методов в новых условиях. Эти особенности внешней политики Ашоки могут быть поняты только при учете своеобразия исторической обстановки изучаемого периода. Ашока не стал после войны благожелательным мечтателем, раскаявшимся монархом, царем-монахом, проповедовавшим лишь смирение и добродетель. Совершенно неправильно противопоставлять, как это делает, например, Райчхаудхури, деятельность Ашоки до Калинградской войны и до принятия буддизма деятельности императора после событий войны. По его мнению, до Калинградской войны Ашока был продолжателем традиционной маурийской внешней политики, а после нее стал проповедовать только смирение. Подобная точка зрения, защищаемая рядом ученых, перекликается с тенденциозными сведениями поздних буддийских легенд, которые стараются противопоставить кровавого, жестокого Ашоку до принятия им буддизма царю-миролюбцу после принятия буддизма.

Такая трактовка роли Калинградской войны в истории правления Ашоки плохо согласуется, как мы стремились показать, с конкретными историческими материалами.

